

Судакова Ольга Николаевна

КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД КАК ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОСЛОВИЯ СИБИРИ

Автор исследует одну из категорий культурологии повседневности - пространство. Предметом работы является купеческий город как макространство культуры повседневности сибирского купечества Российской империи. Цель статьи - культурологическое конструирование пространства города с помощью инструментария "теории поля" П. Бурдьё. В результате автор выделяет оппозицию "обитаемое/присвоенное" поле, способствующую конструированию сибирского купеческого города как поля повседневности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 185-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ESTHETICS OF OPTICAL EFFECT IN FORMATION OF PROTAGONIST MOVIE IMAGE IN FABULOUS-FANTASTIC FILMS OF RUSSIA AND THE USA OF THE 1930S

Sputnitskaya Nina Yur'evna, Ph. D. in Art Criticism
Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov
Nina-arte@rambler.ru

The author for the first time in domestic film studies addresses the problem of the influence of special effect on the imagery of the Soviet fantastic film of the 1930s. The paper reveals the specifics of the interaction and mutual influence of American and Russian cinematography on the eve of the Second World War through the peculiarities of developing the conflict of the human being and the puppet as representatives of marginal worlds. The problem is examined in historical and theoretical perspectives.

Key words and phrases: puppet in cinema; fantasy in cinema; trick photography; image of monster in cinema; cinematography of the 1930s.

УДК 008.001.5

Культурология

Автор исследует одну из категорий культурологии повседневности – пространство. Предметом работы является купеческий город как макропространство культуры повседневности сибирского купечества Российской империи. Цель статьи – культурологическое конструирование пространства города с помощью инструментария «теории поля» П. Бурдьё. В результате автор выделяет оппозицию «обитаемое/присвоенное» поле, способствующую конструированию сибирского купеческого города как поля повседневности.

Ключевые слова и фразы: культурология повседневности; купеческий город; сибирское купечество; П. Бурдьё; экономический и культурный капитал; символическая власть.

Судакова Ольга Николаевна, к. культурологии, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
kdoscha@hotmail.ru

КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД КАК ПОЛЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОСЛОВИЯ СИБИРИ[©]

Гуманитаристика отвела изучению города не одну страницу. Город трактуется учёными как «форма конкретного бытия культуры», «текст», «точка пространства», «априорно мыслительный образ» и др. [3; 5; 9; 11]. В культурологии повседневности город определяется «поселением – ареалом-максимумом повседневного пространства» [10, с. 235]. Главными атрибутами города являются торговля и коммерция, различные по своим масштабам и уровням [12; 14; 15]. Следовательно, город можно принять за максимальное пространство культуры повседневности российского купечества в целом и сибирского в частности. Анализ работ представителей исторического городоведения и региональной культурологии выявил следующие исследовательские проблемы: во-первых, словосочетание «купеческий город» имеет широкое бытование в современных публицистических, туристических и рекламных текстах, но его научная интерпретация в отечественной литературе пока незначительна. Во-вторых, специалисты сходятся во мнении, что сегодня не существует как универсальной теории, так и особой культурологической методологии исследования города [1; 3; 5; 9; 11]. В-третьих, несмотря на продолжающийся процесс накопления историко-культурологического материала в виде статей, монографических и диссертационных исследований о сибирских городах [12; 14; 15], рассмотрение городского поселения как поля культуры повседневности сибирского купечества невелико. Отсюда цель настоящей работы – конструирование культурологической модели пространства культуры повседневности с помощью инструментария «теории поля» П. Бурдьё.

Материалом для статьи, наряду с работами П. Бурдьё, послужили теоретико-методологические и исторические исследования зарубежных и отечественных учёных в области города и пространства повседневности: Ф. Броделя, М. Вебера, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, В. Д. Лелеко, А. А. Жирова и др.

Выше было отмечено, что понятие «купеческий город» имеет больше метафоричный смысл, чем научное определение. Историки-сибиреведы [6; 7] утверждают, что в обиход его ввёл Г. Н. Потанин в статье «Сибирские города» [13]. Эту же мысль поддерживают и некоторые культурологи [16]. Справедливости ради отметим, что сам исследователь Сибири и Центральной Азии пальму первенства отдавал этнографу и писателю XIX столетия С. Н. Максиму. Итак, под «купеческим» Г. Н. Потаниным понимал поселение, главная функция которого торговая и где частные каменные дома большей частью принадлежат купцам. По этим признакам учёный к «купеческим» (или «буржуазным») отнёс города Иркутск, Томск и Енисейск [Там же].

На рубеже XX-XXI столетий историк-сибиревед Ю. М. Гончаров пишет, что «купеческий город» являлся типичным городским поселением Сибири [6, с. 7]. Другой историк А. А. Жиров, изучавший купечество сибирских городов Тара и Троицкосавск со слободой Кяхта и разделивший точку зрения об их «типичности для Сибири»,

всё-таки попробовал выделить черты, присущие купеческому городу. По его мнению, это высотные доминанты культовых зданий, купеческие особняки с отделкой и металлической кровлей, а также эстетически оформленные ограждения купеческих усадеб [7; 8]. Эта идея находит поддержку у историков текущего века [17]. Помимо уже названных городов, историки к сибирским купеческим городам причислили Енисейск, Мариинск, Ишим, Бийск. Философ Ю. М. Беспалова, говоря о Тюмени как «старинном купеческом городе», также подчёркивает, что подобные названия носят поселения со строениями, большинство из которых принадлежало купцам [2, с. 4]. Из сказанного видно авторское единодушное во мнении, что «купеческий город», в первую очередь, характеризуется каменными (*подчеркнуто нами – О. С.*) зданиями, построенными на средства отдельных купцов или купеческих сообществ и принадлежащими им или городу. И как следствие этого, городская архитектура есть априори понятие «купеческий город», что сужает пространственный анализ повседневности купечества.

Расширить определение «купеческий город» в русле культурологии попыталась Н. В. Харсеева [16]. Как и большинство исследователей, она отталкивается от работы учёного и общественного деятеля Г. Н. Потанина и пытается сформулировать своё содержание понимания. Купеческий город, пишет культуролог, – это комплексное понятие, содержание которого составляют взаимодополняющие характеристики: торгово-промышленный центр; административный центр губернии; расположен на пересечении торговых путей; руководящие места в городском управлении занимают представители промышленности и торговли; купечество лидирует в экономической, общественной и культурной жизни города; главы городских Дум преимущественно принадлежат к купеческому сословию [Там же, с. 16]. Таким образом, исследователь объединяет культурно-хозяйственную «физиономию» (по И. М. Гревсу) поселения с его особенностями культурно-общественной среды и образом жизни городского населения в единую совокупность под названием «купеческий город». По мнению автора статьи, Н. В. Харсеева просто перефразировала характеристики, которые есть в работе Г. Н. Потанина.

Вышесказанное позволяет констатировать наличие в отечественной гуманитаристике двух векторов, по которым двигаются учёные в поиске определения «купеческий город». Первый предполагает выявление типичных черт, а второй вектор нацелен на создание образа целостного социально-духовного «организма». Общим для обоих векторов является центральное, для определённой территории, расположение города, выделение торгово-промышленной функции поселения как главной и высокое общественно-гражданское положение сословия, позволяющее дать поселению название «купеческий». Совпадают мнения исследователей и в том, что «купеческим» город может быть в определённый период своего развития, например, для Иркутска это первая половина XIX века, а для Москвы – уже вторая половина XIX века. К сожалению, ни один из векторов не способствует культурологическому моделированию купеческого города как пространства культуры повседневности торгово-промышленного сословия.

В этом смысле интересной представляется «теория поля», разработанная французским философом и социологом культуры П. Бурдьё в рамках концепции структуралистского конструктивизма [4]. С помощью структурализма он показал, что в социальном мире тоже существуют объективные структуры, не зависящие от сознания и воли «агентов», но способные как стимулировать, так и подавлять их представления. Конструктивизм он применил, чтобы показать социальный генезис «габитуса» с одной стороны и генезис социальных полей и групп с другой [Там же, с. 64-65]. В результате такой интегральной методологии стало возможным научное конструирование пространства как модуса социальной действительности, базирующееся на социально- и культурно-исторических фактах. Для проведения подобных исследований П. Бурдьё в научный обиход ввел концепты «поле», «агент», «габитус» и «капитал», которые и будут применены автором статьи при конструировании купеческого города в пространственном аспекте.

Первым шагом в исследовании каждого пространства, пишет французский учёный, является нахождение различия между физическими и социальными пространствами [Там же, с. 53]. В физическом выражении купеческий город на географической карте Сибири не присутствует. Невозможно обнаружить физические границы подобного поселения и в планах городов (исключение составляют купеческие кварталы или улицы). Отсюда возникает трудность осмысления данного пространства как физического. В то же время, исследователи указывают на реально существовавшие и существующие как «купеческие» в физическом пространстве Сибири города, в частности, Иркутск, Тара, Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Томск, Енисейск и др. Следовательно, купеческий город, в первую очередь, – социальное субпространство или поле, которое физически может реализоваться в пределах реального города.

Попробуем пространственную локализацию купеческого города рассмотреть в предложенной П. Бурдьё оппозиции «обитаемое/присвоенное» поле [Там же, с. 50]. Известно, что в результате городских реформ Петра I и Екатерины II купечеству было назначено пространство «обитания» – город. Добровольная запись в одну из купеческих гильдий конкретного города (позднее это ежегодная выборка гильдейского или промыслового свидетельства) давала купечеству права и преимущества, позволяющие дистанцироваться от других податных состояний (например, мещанство), а также занимать городскую территорию под частный дом, выстраивать торгово-промышленные заведения в городе и на его окраинах. Таким образом, обитаемое пространство определяется с помощью значений площади и объёмов места, которое занимает агент в поле города. Другими словами, обитаемое поле культуры повседневности сибирского купечества есть социальная структура в объективированном состоянии, например, архитектурная постройка.

«Присвоенное» пространство, в отличие от «обитаемого», согласно теории «поля», структурируется различными видами капитала, находящимися в наличии у агента [Там же]. К таким капиталам относится, в частности, экономический – в форме прав, финансовых средств и имущества, позволивший занять преимущественное место в социальном поле. Культурный капитал – знания и практические навыки, сформированные семьёй и/или сословной общностью (отчасти это хабитус), профессиональное и общее образование, овеществлённые знаки и символы культуры (общественные и религиозные здания, театры, общественные и частные

библиотеки, картинные галереи, общественные сады, интерьеры домов и пр.), способствующие распознаванию смысла отношений и расшифровке культурных кодов. Социальный капитал – родственные и личные связи агента внутри купеческого сообщества (Городская дума или ратуша, таможенный или биржевой комитеты, городские общественные банки) и за его пределами (церковный и административно-чиновничий аппарат), действующие по принципу «купеческого слова» или «услуга за услугу». Символический капитал больше связан с репутацией купца, которая признаётся сословным сообществом, горожанами, государственной и церковной властью. Здесь и звания – «Коммерции советник» и «Мануфактур советник», и награды в виде орденов и медалей (серебряных или золотых), а также увековечивание купеческих фамилий в названиях общественных учреждений, городских улиц и переулков и др. Таким образом, «присвоенное» пространство есть одно из мест, где власть способна утверждаться и осуществляться в форме «незамечаемого насилия» [Там же, с. 52]. Исследователи, изучающие историю и культуру сибирского купечества Российской империи, утверждают, что оно обладало всеми капиталами, а следовательно, было способно утвердить свою символическую власть и навязывать свою шкалу ценностей всему социальному пространству города.

Всякий научный метод есть лишь осмысление инструментария, оправдывающего себя в ходе его практического применения, утверждал М. Вебер [5, с. 417]. В данной работе теория «поля» позволила осознать, что каждое субпространство имеет свою собственную логику, свои специфические закономерности, и купеческий город тому не исключение. В действительности, сибирский купеческий город есть мыслимая историко-культурологическая конструкция. Принцип пространственной локализации купеческого города Российской империи на материале сибирского региона в оппозиции «обитаемое/присвоенное» поля позволил сформулировать следующее понятие. Сибирский купеческий город – это поле культуры повседневно-присвоенное и упорядоченное капиталами различных видов, дающими право символического господства торгово-промышленного сословия над обитаемым пространством и доступа к частным или общественным благам и услугам.

Список литературы

1. Алисов Д. А. Актуальные проблемы культурологии города // Культурологические исследования в Сибири: научный журнал. Омск, 1999. Вып. 1. С. 4-16.
2. Беспалова Ю. М. Современная история российской социологии // Телескоп. 2011. № 1 (85). С. 2-11.
3. Бродель Ф. Города // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV-XVIII вв.: в 3-х т. / пер. с фр. А. Е. Кубелля. 2-е изд.-е. М.: Весь мир, 2006. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 509-592.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Вебер М. Город / пер. с нем. М. И. Левитиной // Вебер М. Избранное: образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309-446.
6. Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.: по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири / Алтайский гос. ун-т; Институт этнологии и антропологии РАН. 2-е изд.-е. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. 249 с.
7. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005. С. 139-172.
8. Жиров А. А. Тара как типичный для Сибири купеческий город // Социокультурные проблемы развития малых городов Западной Сибири. Ишим, 2000. С. 46-47.
9. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд.-е, перераб. и доп. СПб.: Паритет, 2006. 480 с.
10. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре: монография. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 208-220.
12. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. 310 с.
13. Потанин Г. Н. Сибирские города [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/articles/44.htm> (дата обращения: 05.06.2011).
14. Сибирский город XVIII-XX веков: сборник статей. Иркутск: Оттиск, 1998-2010. Вып. I-VII.
15. Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск: Сова, 2008. 380 с.
16. Харсеева Н. В. Московское купечество на рубеже XIX-XX веков: социокультурный анализ: автореф. дисс. ... к. культурологии. Краснодар, 2009. 23 с.
17. Шешуков С. В. Роль мариинского купечества в становлении и развитии уездного города // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 258-261.

MERCHANT TOWN AS FIELD OF EVERYDAY CULTURE OF COMMERCIAL-INDUSTRIAL STRATUM OF SIBERIA

Sudakova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Technology and Design
kdoscha@hotmail.ru

The author examines one of the categories of the culturology of everyday life – space. The subject of the paper is a merchant town as macro-space of the everyday culture of Siberian merchants of the Russian Empire. The paper focuses on culturological urban space design by the tools of the “theory of field” by P. Bourdieu. As a result the author identifies the opposition “inhabited/adopted” field promoting the construction of the Siberian merchant town as the field of everyday life.

Key words and phrases: culturology of everyday life; merchant town; Siberian merchants; P. Bourdieu; economic and cultural capital; symbolic power.